

А ЗАВТРА БЫЛА ВОЙНА

В нынешнем году исполнилось 90 лет со дня окончания Первой мировой войны. Начавшаяся между 8 европейскими государствами, она со временем охватила 38 стран, оставив о себе недобрую память как об одном из самых широкомасштабных военных конфликтов в истории человечества. Потери вооруженных сил всех держав-участниц войны составили около 10 млн. человек, голод и эпидемии, вызванные ей, стали причиной гибели еще как минимум 20 млн. Кстати, название «Первая мировая война» утвердилось в историографии только после начала Второй мировой. В межвоенный период употреблялся термин Великая война. В Российской империи ее еще называли Второй Отечественной, а также неформально (и до революции, и после) – германской, в СССР – империалистической. Одним из наиболее кровопролитных театров боевых действий тогда стали земли Белой Руси. О том, как это было, самое живое представление дает уникальный документ, попавший в руки автора. Это Повременная летопись Нарочанской Свято-Ильинской церкви. Страницы, посвященные Великой войне, написаны священником, непосредственным очевидцем катастрофы, разразившейся почти столетие назад. Знакомство с документом дает ясное понимание того, что это наследие оставлено потомкам человеком мудрым и неравнодушным к бедам своего народа, своего Отечества.

1914 ГОД

«Всем году началась война России с Германией, Австро-Венгрией, а потом и с Турцией. Война эта – небывалая в истории по своей величине и по жестокости немцев. До границ Вилейского уезда неприятель не доходил, и до конца 1914 года в Нарочском приходе все было благополучно, только очень много мужского населения взято в действующую армию: все, состоящие на действительной службе, запасные и ратники. Родилось в сем году 106, умерло 69, браков было 14».

О первом годе войны в летописи всего семь строк. Оно и понятно – бои шли довольно далеко, в Восточной Пруссии (по нынешнему – на границе Калининградской области и Литвы). Да и когда сра-

жения начинаются, всегда есть надежда, что они быстро закончатся. Так примерно и думали руководители и генералитет европейских государств, объявляя мобилизацию и отправляя миллионы своих сограждан в пекло боев. Но дальше счет лихолетью пошел уже не на дни и недели – даже не на месяцы. Читаем дальше.

1915 ГОД

«Всем году, Божиим позволением, бедствия войны достигли и Нарочского прихода. До сентября месяца в приходе было сравнительно спокойно, только летом урожай хлебов и трав был очень слабый, да появилась холера, от которой умерло 12 человек, но болезнь скоро прекратилась.

В июне и июле стали прогонять через Нарочь скот, свиней, овец и лошадей из Курляндии, где велись бои, и цены на сено и солому сразу сильно повысились; много скота падало на пути. Это были первые вестники бедствий Нарочского прихода».

Ну, а какая война без слухов? 31 августа и 1 сентября среди крестьян стала распространяться молва о том, что неприятель прорвался сквозь линию русских войск возле Свенцяи и находится очень близко от села Нарочь. Слухи подтвердились – ночью с 1 на 2 сентября неприятельский разъезд показался в Нарочи. Село встревожилось: «Многие подняли плач, стали укладывать свои вещи в телеги и увозить в лес; все девушки и молодые женщины тоже уходили прятаться в лес, чтобы неприятель не мог издеваться и насиловать их».

А вот как описывает летописец приход неприятеля: «Днем 2 сентября по соседству – в Русскоселье, Любани, Куренце и Вилейке – завязались бои, с артиллерийской канонадой. Русские войска отступили, и Нарочский приход оказался во власти немцев. Тяжело было местным

людям: немцы стали забирать лучшую одежду, скот, овец, свиней, курей, лошадей, хлеб, картошку и корм – сено и солому, а людей погнали рыть окопы против своих же русских войск».

Так продолжалось недели две. «Подожли опять наши войска со стороны уездного города Вилейки, завязались упорные бои возле деревень Баровцы, Уречье, Деховка, Комаришки, Кузьмишки и Косичи. Бои продолжались более пяти дней, и немцев погнали из прихода через с. Нарочь и д. Поповцы к Войстому и Липкам, и Нарочь с радости и слезами на глазах встретил своих русских воинов. Через два-три дня после Воздвижения приход уже был свободен от врагов».

Появились первые жертвы – «во время этих боев один хозяин – крестьянин д. Баровцев Климентий Петров Илькевич, 65 лет, был убит и несколько человек – ранено. Много пало немцев; они похоронены то при дорогах, то на кладбищах деревень Баровцы, Уречье, Косичи, Поповцы и на погосте Нарочской церкви. От артиллерийских снарядов выгорело в Баровцах 5/6 всех домов, в Уречье – 9/10, а Косичи и Кузьмишки выгорели целиком. В с. Нарочь сами немцы подожгли мост, мельницу, еврейские дома и крестьянские дома, около 17 домов, до участка Тумашей. За реками Нарочь и Спяглица Свенцянского уезда немцами сожжены деревни Мордасы, Лемеша, Новосады, Погорельцы, Войстом, Теляки, Щани, Абрамовщина, Круни и много других, а церковь Рацевская и Войстомский костел сгорели от снарядов во время боев. Почти всю Войстомскую волость враги угнали в плен – не только мужчин, но и женщин, даже грудных детей и стариков».

Округа опустела. Впрочем, несколько семей успело спастись от неприятеля в глухом лесу. Вернулись и некоторые мужчины с военных работ из-под Лиды и обнаружили, что «их дома сожжены, дети и старики-родители угнаны в плен, на голодовку». Впечатленный происходящим, автор восклицает: «Страшное народное бедствие, хуже, чем во времена татар!».

Далее узнаем, что «из Нарочского прихода взято в плен около пяти семейств; угнаны в плен и соседние помещики-дворяне Свенцянского уезда, священники и ксендзы. Местный священник из с. Нарочь успел 2 сентября бежать от немцев, оставив все имущество: мебель, одежду, хлеб и прочее, и вернулся в Нарочь уже 17 сентября, но не нашел своего имущества: оно было разграблено или испорчено окончательно, к стыду сказать, не столько немцами, сколько самими же крестьянами с. Нарочь».

Естественна особая забота пишущего (по чину положено) о сохранности среди всей этой круговерти церковного имущества. «Милосердием Божиим все храмы в приходе, т. е. Нарочский приходский и на кладбищах деревень Баровцы и Уречье, уцелели, только входная дверь в Нарочском пробита ядром (разумеется, снарядом. – **Ред.**); неприятель даже ничего не взял из церковных вещей – ни ценных, ни малоценных, а только положил своих раненых в Нарочской церкви, так что, по изгнании неприятеля, Нарочская церковь была освящена малым чином, и в ней, к утешению всех прихожан и войск, стала беспрепятственно совершаться служба Божия».

Впрочем, не владеющий оружейной терминологией священник чуть погодя выказывает хорошее знание названий войсковых соединений русской армии, сообщая, что врага выгнала из Нарочского прихода 29-я дивизия: полки Малоярославский, Новоторжский, Вяземский и Старорусский, и поминая во Христе павших воинов. «После 29-й дивизии прибыла в Нарочский приход 28-я дивизия; в селе Нарочь стал Донской полк, а в соседних деревнях – Камский, Волжский и Уральский полки. Когда 28-я дивизия ушла в бои на позиции, к Войстому, в Нарочь прибыла на отдых многотрудившаяся 10-я Дивизия, с десятой же Артиллерийской бригадой. В Нарочи с 10 ноября стали Тобольцы, а в соседних деревнях –

Молебен перед боем на Западном фронте. 1916 год

Томцы, Кольванцы и Екатеринбуржцы. И вот наше село Нарочь оживилось: вместо глухой лесной деревушки сразу сделалось как бы маленьким городком в пять тысяч жителей, а всего в районе прихода оказалось около двадцати тысяч войск».

Как же устроилась вся эта масса народу? Все просто – «войска живут то в крестьянских халупах, то в землянках». Чем питались, во что одевались? «Явились Правительство и общество на помощь крестьянам: были открыты питательные пункты Красного Креста в селе Нарочь, деревнях Баровцы и Комаришки, где на-

Похороны солдат на высоте «Фердинандовнос» в окрестностях озера Нарочь. 1916 год

Фото из архива Национального музея истории и культуры Беларуси

роду выдается горячая пища, чай и хлеб.

Отдел общества «Северо-помощь» стал выдавать пищу в сухом виде: муку, крупу, соль, а также и одежду: полушубки, рубахи, валенки. Первый Всероссийский земский союз тоже открыл свой Отдел в с. Нарочь и стал давать пищу рабочим, которые копают окопы повсюду в окрестностях в ожида-

нии врагов. Наши офицеры и солдатики тоже охотно делятся куском хлеба с прихожанами».

Но «крестьянам все же тяжело», добавляет беспристрастный свидетель: 5/6 прихода выгорело, жилых домов не хватает – живут в одном доме по несколько семейств, а кто и в землянках, в тесноте и скученности. «Убытки большие: многие холодные строения то разобраны совсем, то стоят без крыш, что сделано своими же войсками по нужде. Лошадей, свиней, скота нет, и вот дров не на чем привезть; пища по большей части постная, а дети без молока; одежды не хватает».

Дети не учатся: Баровское училище сгорело, а в Нарочской школе нет ни учебников, ни мебели: все уничтожено. А поскольку священник-то сельский, то особая его боль о земле: он замечает, что много ее пахотной попорчено: местность изрыта окопами и землянками. И

в заключении дается то, что мы назвали бы оценкой морально-психологического состояния населения: «душевное настроение у всех тяжелое и подавленное и из-за пережитого, и из-за будущего, ведь война еще не окончена, и нам еще не известно, чем кончится...». Что касается демографии, то цифры говорят сами за себя: «Родилось в сем году 74, умерло 109, браков было 8». Сравните хотя бы с 1914 годом!

1916 ГОД

Война продолжается: «Весь 1916 год стоят войска в приходе; немцы стоят в Дубатовке, Вишневе, Сморгонях, т. е. в 12–14 верстах от Нарочской церкви. Собственно, в Нарочском приходе в течение 1916 года стояли следующие воинские части: 10-я дивизия и в с. Нарочь – Тобольский полк, после нее стала 68-я дивизия и в с. Нарочь – Новоржевский полк; в Великом посту стоял 17-й Томашовский пограничный конный полк. После Пасхи все лето стояли три парка и Управление 28-й парковой Артиллерийской бригады; в сентябре стала 11-я Сибирская стрелковая дивизия, но к октябрю ее опять сменили парки и Управление 28-го паркового Артиллерийского дивизиона».

Далее сообщается, что в течение всего года местные жители пребывали в страхе и неуверенности за завтрашний день, ждали, что вот-вот прорвутся враги и опять начнется полное, уже окончательное разорение. «Погоревшие прихожане в течение года почти не строили домов и живут в землянках, да и нет кому строить, так как почти все крепкие мужчины взяты на военную службу; люди по-прежнему страдают, так как сколько-нибудь правильное хозяйство вести невозможно: нет ни скота, ни построек, пища исключительно постная, к тому же цена на все пищевые продукты стоит весьма высокая: 1 фунт сала или масла стоит больше 2 рублей – тем крестьянам, которые имеют, что продать, хорошо, но нарочским прихожанам, разоренным и сожженным, очень тяжело».

Далее следуют любопытные подробности о воздушной войне. Кстати, Первая мировая стала первым вооруженным конфликтом, в котором начали активно использовать авиацию. «Много горя и страху причиняли приходу неприятельские аэропланы: каждый светлый, непасмурный день летали и бросали бомбы, которые ранили и убивали людей и животных; наши обстреливали неприятельские аэропланы, и от наших же осколков многие страдали. Даже службу Божию отправлять было страшно: так, в Неделю Крестопоклонную, в начале Литургии, неприятель стал бросать бомбы возле церкви, а 6 сентября бомба упала возле самой церкви, во время пения Запричастного стиха, и осколки попали в церковь, но никого не ранили; только в самое село Нарочь неприятель 14 раз бросал бомбы – было убито и ранено до 25 человек и до 35 голов скота». Надо было что-то делать и «люди накопили блиндажи и во время обстрела прячутся туда».

Сообщает автор летописи и о том, что церковноприходская школа в Нарочи целый год не действовала, а в Баровцах осенью 1916 года было «открыто учение и вместе кормили детей на средства Всероссийского земского союза; учеников собралось из всех окрестных сожженных училищ до 400 человек».

«В урочище Жерствянка в лесу устроен целый военный лагерь, и там стояло до 10–15 тысяч войск, лагерь этот называется «Комаришки» и занимает Кордон, Жерствянку, Паромец и Комаришки».

И снова о том, как бойня, которую позже назовут мировой, до неузнаваемости изменила местность, оказавшуюся в эпицентре столкновения двух мощных армий: «Сильно пострадали в этом году леса и пахотные поля: леса повыврублены на топливо и устройство землянок, а поля ископаны и изрыты то канавами, то блиндажами и землянками».

Родилось в приходе 83 человека, умерло 90, но жизнь даже в этих условиях берет свое – «браков было 15».

Кстати, в феврале 1916 года немцы начали мощнейшее наступление на Париж. Казалось, столица Франции обречена. В

это же время по просьбе союзников русские войска атаковали неприятеля на линии от Двинска до реки Вилия. Это отвлекло значительные германские силы с западного театра военных действий. Франция была спасена. Судьба Парижа решилась в Принарочанском краю. Конечно, церковному летописцу не дано было знать планы генеральных штабов, но небывалое напряжение боев того рокового года он отобразил честно.

1917 ГОД

«И 1917 год весь приход был в бедах войны, хотя к концу года военные действия почти прекратились и войска стали расходиться, но мир еще не заключен и неуверенность за будущее – полная; к этому прибавилась страшная дороговизна: фунт крупы – 1 р., фунт сала – 4 р., сапоги – 150 р.»

Окончание войны на русско-германском фронте сразу положительно отразилось на демографической ситуации: «Родилось в сем году 74, умерло 51». Браков зарегистрировано 82 (!).

«Детей и в этом году в д. Баровцах и с. Нарочь обучал и кормил Всероссийский земский союз».

1918 ГОД

Фронт развалился и «в феврале вступил в наши места неприятель – на несколько дней занял церковь пленными русскими солдатами, и церковь была

Немецкая линия обороны южнее озера Нарочь. 1916 год

Памятник павшим на полях Первой мировой войны в деревне Нарочь

осквернена: св. дары уничтожены, просфоры съедены, вино выпито, свечи сожжены. Пришлось возобновить Богослужение после освящения церкви малым чином. Неприятель снял и увез все колокола, весом в 15 пудов, и причту с трудом удалось выпросить два небольших колокола весом в 2 пуда.

Весною в приходе началась голодовка, также и в соседних приходах; пуд хлеба доходил до 200 рублей – народ обнищал и сильно бедствовал, и осенью умирали от инфлюэнцы (гриппа. – Ред.) по нескольку душ в день. Все школы в приходе почти не действовали».

И тем не менее сообщается, что большинство погоревших прихожан, «а таких было около 5/6 частей всего прихода», поставили новые дома.

«Родилось в сем году 85, умерло 67, браков было 34».

Здесь надо сказать, что хотя в 1918 году мировая война закончилась капитуляцией центральных держав, бывшим подданным рухнувшей Российской империи радости это принесло немного – судьба продолжала испытывать их на прочность огнем и мечом.

1919 ГОД

Запись за этот год весьма лаконичная, приведем ее полностью. «По уходе германцев к нам прибыли русские войска, а потом заняли наш край польские войска; в нашем приходе были небольшие военные стычки, с убитыми и ранеными.

Голод весной был сильный, народ обнищал, даже были случаи смерти от голода. Пуд хлеба доходил до 500 рублей. Родилось в сем году 66, умерло 60, браков было 28».

1920 ГОД

«И в сем году в нашем приходе продолжались бедствия войны. 27 июня был в с. Нарочь бой – польские войска отступили из с. Нарочь, предварительно спаливши все мосты через реки Нарочь и Спяглицу; с. Нарочь заняли русские большевистские войска; так продолжалось до конца сентября месяца. 29 сентября опять был бой в с. Нарочь – большевики отступили, и с. Нарочь заняли опять польские войска.

В д. Баровцы при боях 27 июня сгорело пятнадцать домов. Прихожане и в сем году сильно страдали как от самой войны, так и в особенности от того, что должны были содержать воюющие армии, русскую и польскую, попеременно, т. е. доставляли обеим армиям хлеб, овес, картофель, фураж для лошадей и даже подводы под обоз военный». Многие прихожане с военным обозом побывали под Варшавой, «утеряли лошадей и разорились, но такого голода от недоедания, как в 1919 году, в сем году не было».

Родился 121 ребенок, умерло 47 человек, «браков было 43».

Что было дальше, хорошо известно из учебников истории. Брестский мир на долгие почти два десятилетия поделил Белую Русь надвое. Добросовестный летописец продолжает вести свой беспристрастный дневник до 1939 года, но его содержание за этот период выходит за пределы заявленной темы. И все же есть смысл закончить цитирование летописи первым послевоенным годом.

1921 ГОД

«В сем году военных действий в нашем приходе не было; прихожане понемногу успокаиваются от войны, но живется им все же очень тяжело: слишком разорились и обеднели от войны, да и жизнь как-то замерла – нет никакого движения в торговле и нет заработков». «Занятия в школах в сем году открыты, но преподавание производится на польском языке.

Родилось в сем году 83, умерло 58, браков было 25».

Виктор ПРИХОДЬКО ■